

КАНТОВСКОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ (некоторые аспекты проблемы)

Весьма важным для обсуждения проблемы времени у Канта нам представляется уточнение специфики ее постановки и решения, в частности, по отношению к естественнонаучным концепциям.

То, что философия Канта имела отношение к естествознанию XVII—XVIII вв., не требует обоснований и не служит предметом спора для исследователей его творчества. Действительной проблемой, заслуживающей исследования, является *характер* отношения учения Канта к естественнонаучным теориям, в частности, современным ему естественнонаучным теориям времени. Существуют упрощенные интерпретации учения Канта, которые игнорируют его специфику и изображают его чем-то вроде простой «записи» на более абстрактном языке философии ньютоновской теории абсолютного времени¹.

Творчество Канта, становление его философии исторически совпадало с господством в научном мировоззрении принципов классической механики, основные положения которой были разработаны и систематизированы Ньютоном. Современникам, суммировавшим научные поиски исследователей природы со времен Возрождения, достижения классической механики представлялись своеобразным завершением научной картины мира, а также единственно возможным и подлинно научным представлением о природе и ее законах. В сущности, классическая механика мыслилась чем-то вроде истины в последней инстанции, не требующей никаких дополнений и никакого развития. Именно эта уверенность в незыблемости классической механики, как полагают, послужила реальным основанием кантовской концепции априорности времени как некоей всеобщей, обязательной и предшествующей опыту формы — в этом свете время как априорная форма чувственности выглядит простой абсолютизацией научных представлений о времени, сформулированных классической механикой. Кант же лишь особым образом «перевернул» и исказил действительный исторический ход мысли и изобразил дело таким образом, будто представления о времени являются некоторым исходным «априорным» моментом, коренящимся в субъективных особенностях устройства человеческого восприятия. При такой интерпретации философия времени Канта действительно должна полностью исключать возможность иных представлений о времени, сколько-нибудь отличающихся от ньютоновского (то же самое говорится и о теории пространства Кан-

та). Поэтому получается, что прогресс естествознания, создание Лобачевским неевклидовой геометрии и Эйнштейном — теории относительности наносит удар одновременно и по представлению о единственной и абсолютной истинности классической механики, и по теории времени Канта.

Нам кажется, что такая интерпретация слишком упрощенно трактует связь учения о времени Канта с естественнонаучными концепциями времени классической механики, связь, конечно же, вполне реальную и имеющую немаловажное значение для понимания смысла кантовской теории времени. Бесспорен тот факт, что в своем творчестве Кант был ориентирован на классическую механику, в том числе и на достижения Ньютона.

Главным достижением физической теории времени Ньютона было то, что она теоретически устанавливала для Вселенной единую систему отсчета времени, тем самым впервые в истории естествознания формулируя идею единого физического времени (эмпирическим аналогом системы отсчета для Ньютона служила система неподвижных звезд). Путем сравнения и сопоставления течения различных природных процессов эта теория стремилась к выработке единой шкалы измерения длительности протекающих процессов. Разнообразие природных процессов подвергалось упорядочению в виде единой линейной временной последовательности сосуществующих объектов и событий. В концепции Ньютона требование универсальной системы отсчета задается в форме идеи абсолютного пространства и абсолютного времени, символизирующих независимые от вещей и процессов самостоятельные сущности.

Но наряду с этой концепцией в современной Канту натурфилософии предлагалась «реляционная теория времени, обращающая внимание ученых на разработку физических основ фиксации порядка следования событий, — мы имеем в виду идею относительного времени Лейбница. Эта теория оказала, как мы думаем, не меньшее влияние на творчество Канта. Вот почему необходимо иметь ее в виду при анализе отношения Канта к естественнонаучным (и натурфилософским) концепциям времени.

Но для целей нашего исследования важно отметить, что время по тем характеристикам, которые приписывали ему Ньютон и Лейбниц, по сути дела, выступало в качестве реального бытия или во всяком случае мыслилось и исследовалось (поразному у обоих философов) в связи с самостоятельным, независимым от мышления, созерцания, познания бытием материальных объектов. В этом смысле обе теории — теории объективного времени. Идея объективного и независимого от сознания времени создавала предпосылки для возникновения научного естествознания, опирающегося на исследование действительных природных закономерностей. Эта идея отличалась от полумифологических представлений о времени, господствовавших в антич-

ном и средневековом мышлении, она создавала основы для математического естествознания, для формирования научных методов измерения времени и для научного экспериментирования. Тем самым идея объективного физического времени впервые поставила изучение природных временных процессов на научную почву, почему она и продолжает оставаться одной из важнейших мыслительных предпосылок современной физики.

Каково же было отношение Канта к современным ему физическим и натурфилософским представлениям о времени? Для решения этого вопроса мы хотели бы в первую очередь обратить внимание на собственные кантовские оценки теорий Ньютона и Лейбница. Надо признать, что общие оценки Кантом современного ему состояния естествознания очень высоки. Так, Кант видит величие открытий Ньютона и Коперника в том, что «законы тяготения, определяющие движение небесных тел, придали характер полной достоверности той мысли, которую Коперник высказал первоначально как гипотезу, и вместе с тем доказывали существование невидимой, связующей все мироздание силы (*ньютоновского тяготения*)»¹ (3, 90—91). Значение современной физики и ее высокую роль Кант видит в том, что она осуществила переход от случайных чувственных наблюдений, их простого описания к установлению истины, к исследованию всеобщих и необходимых природных закономерностей (Кант не случайно называет свое новаторство, нацеленное на изучение всеобщих и необходимых форм познания, «коперниканским переворотом» в философии). Достоинство теории абсолютного пространства и времени Ньютона он видит еще и в том, что эта теория содержала предпосылки применения математического аппарата к изучению природных явлений и закономерностей, ибо принципы концепции абсолютного пространства и времени «делают сферу явлений свободной для математических положений»² (3, 143). Высокая общая оценка современного естествознания послужила причиной того, что одним из важнейших вопросов философии Кант считал вопрос о том, «как возможно естествознание». Он выдвигает на первый план исследования обоснование возможности, изучение принципов и предпосылок естественнонаучного познания (в первую очередь имея в виду физику и математику как наиболее развитые и передовые в его время разделы). Но вместе с тем в тексте «Критики чистого разума» легко можно указать рассуждения, на первый взгляд, противоречащие той высокой оценке, которую Кант давал физическим теориям. По словам Канта, время субъективно, оно «не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение и, стало быть, оставалось бы, если отвлечься от всех субъективных условий созерцания вещей...» (3, 137). И далее: «Наоборот, те, кто признает абсолютную реальность пространства и времени... должны признавать наличие двух вечных и бесконечных, обладающих

самостоятельным бытием нелепостей, которые существуют (не будучи, однако, чем-то действительным) только для того, чтобы охватить собой все действительное» (3, 142). Эти слова, как кажется, обращены против теории абсолютного времени Ньютона, но мы полагаем, что здесь содержится особый критический философский подход к ньютонианству, точнее, к некоторым философским выводам и импликациям ньютонианства. Не критика естествознания, а критика определенных мыслительных предпосылок (связанных так или иначе с практикой современного Канта естественнонаучного мышления) служит у Канта выявлению специфики собственного философского подхода к исследованию проблемы времени.

Одной из главных мишеней критики для Канта является свойственная мышлению естествоиспытателя натурализация теоретических представлений, идей, понятий. В концепциях Лейбница и Ньютона имелись черты, не удовлетворявшие его, — во многом они были связаны с критикуемым им решением проблемы «абсолютной реальности» пространства и времени. Мы полагаем, что Кант, говоря об «абсолютной реальности», вводит уже новый оттенок: он имеет в виду не физический смысл данного понятия, но явно или неявно связывавшееся с ним допущение, будто время как независимая от сознания реальность буквально и натурально наделено теми свойствами, которые описаны в той или иной частной, относительно истинной теории. В теории Ньютона представления о времени выражены в виде объективных, положительных утверждений о самих свойствах природных процессов, в полной мере, как полагали, отражающих саму действительность. Крайним и ошибочным, но все же не случайным следствием было то, что абсолютное время пытались представить себе в виде особой самостоятельной сферы бытия, «абсолютно» реального и наглядно очевидного «вместилища» всех природных процессов, в котором — независимо от «наполняющего» содержания — однозначно, четко и последовательно определены все моменты. Надо подчеркнуть, что натурализацию идеи абсолютного времени нельзя полностью приписывать самому Ньютону, поскольку он не высказывался в пользу представления об абсолютном времени как о натуральной характеристике природы. Напротив, он часто именуется его математической истиной, скрытой от чувственного наблюдения и обнаруживаемой разумом. Эта осторожность Ньютона по отношению к могущему иметь место «овеществлению» определенно-го естественнонаучного понимания времени не свидетельствует о каких-либо отступлениях от стихийно-материалистической позиции, а скорее показывает, что Ньютон начал осознавать специфические особенности научной идеализации и схематизации.

Весьма показательно для иллюстрации интересующей нас проблемы то, что в полемике Ньютона и Лейбница ни одна сторона не сумела добиться признания своей исключительной пра-

воты². По-видимому, этому мешало то, что их роднило и было характерно для способа мышления обоих — а именно, представление о непосредственной очевидности, единственной возможности и «абсолютной реальности» (в терминологии Канта) сформулированных теоретических понятий о времени, присущих якобы «самому времени» — полемика между Ньютоном (Кларком) и Лейбницем свелась к абсолютному противопоставлению двух убеждений. Но длительные размышления Канта над конфликтующими и претендующими на «абсолютную реальность» концепциями времени Ньютона и Лейбница в докритический период творчества не склонили его ни в пользу Ньютона, ни в пользу Лейбница. В разные моменты он обращался то к одной концепции, то к другой, но эти колебания в конечном счете привели его к мысли об их относительной правоте и неправоте одновременно.

Относительная правота Ньютона и Лейбница доказывалась научной эффективностью обеих концепций, их применимостью для описания отдельных аспектов физической реальности — вот почему Кант, как мы полагаем, ни в коей мере не посягал на их физический смысл и значение. Но он возражал против этих концепций, когда им (их творцами либо интерпретаторами) придавался смысл общих, философских, мировоззренческого плана утверждений о сущности и свойствах времени, о его «природе». В истории науки и философии достаточно примеров, когда с сущностью времени («само время», «время как такое») отождествлялось относительное, «субъективное» представление о нем того или иного физика, мыслителя. Во многих случаях это было связано со специфической натурализацией частных, относительных и субъективных представлений о природе времени — им приписывалось абсолютное значение некоторой реалии, натуральной характеристики, определяющей бытие предметного мира, его познание и бытие человека в мире³.

Критика Канта была направлена на выявление необоснованности таких претензий, на обнаружение «субъективных» элементов в претендующих на абсолютное значение теориях времени. Критическая философия, на наш взгляд, выдвинула задачу исследования «субъективности» и относительности человеческих представлений о времени, причем ее интересовало не влияние индивидуальных черт того или иного ученого, социально-исторических обстоятельств либо конкретной научной практики, принадлежности ученого к той или иной школе и т. п. Ее интересовала «субъективность», обусловленная, как полагалось, интересующими особенностями устройства и функционирования сознания человека, т. е. субъективность форм познания, субъективная диалектика его.

Критика абсолютизации конкретных физических понятий о времени, мы полагаем, косвенным образом способствовала бо-

лее глубокой философской разработке определения объективного времени. Критика Канта налагала запрет на натурализацию и абсолютизацию естественнонаучных понятий, отрицая эти процедуры как возможные теоретические и методологические предпосылки философской теории времени.

Специфика философской теории времени Канта по отношению к естественным теориям состоит в переходе к изучению времени как «субъективной идеи», как особого понятия. Естествознание изучает процессы и закономерности природы, существующие объективно, независимо от нашего сознания. Временные закономерности и само «течение» времени, безусловно, существовали задолго до появления человека и до изучения времени в физике и астрономии. Вместе с тем всякая научная теория, идея, понятие воспроизводит объективную реальность в формах субъекта, в субъективных категориях и понятиях, свойственных мышлению человека вообще, естествоиспытателя вообще и естествоиспытателя той или иной школы, в частности. Отвергая приписывание «субъективным» научным понятиям «абсолютной реальности», Кант истолковывает их как идеализации, конструкции, продукты воображения. Абсолютное время Ньютона он стремится рассмотреть как идеальное понятие, воспроизводящее имманентную логику естественнонаучного мышления⁴. Именно творческий характер познания, воплощающийся в рационально выраженных законах механики, в формулах, моделях, схемах, которые не могут быть прямо и непосредственно отождествлены «самими вещами», — вот вполне реальное обстоятельство, заинтересовавшее Канта.

Не случайно Кант критикует рассуждения о времени Ньютона и Лейбница за то, что недостаточно осмысливается и учитывается роль самого познающего субъекта, наблюдателя и экспериментатора в познании. Это интересная проблема. Учитывали ли теории объективного времени классической физики роль наблюдающего, измеряющего субъекта? Познание существования и взаимоотношений объектов во времени и в классической физике предполагало, конечно, познающий субъект, наделенный сознанием, но его роль, как предполагалось, сводилась к тому, чтобы быть идеальным наблюдателем, воспроизводящим в сознании действительные отношения объектов во времени. Предполагалось, что познающий объект ничего не меняет в исследуемом им объекте, он лишь является идеальным созерцателем реальных отношений. Академик В. А. Фок совершенно справедливо утверждает: «Основная черта классического способа описания явлений состоит в допущении полной независимости физических процессов от условий наблюдения»⁵, ибо предполагалось, что для любого объекта всегда существует такой «осторожный» способ его наблюдения, который никак не влияет на его поведение; при таком предположении можно было бы говорить о *поведении объекта самого по себе* и вообще

не ставить вопроса о средствах наблюдения как *условиях познания*»⁶.

Теория времени Лейбница и Ньютона с точки зрения их философских оснований в целом не выходит за рамки созерцательной философии, абстрактно противопоставляющей субъект объекту и затем сводящей познавательную роль субъекта к непротиворечивому, прямому «созерцанию» действительности. Эти философские основания, которые, как полагал Кант, были имплицитно заключены в естественнонаучных теориях Ньютона и Лейбница, не удовлетворяли его — он обращает особое внимание именно на роль субъекта, наблюдателя в познании. Его теория создается как антитеза естественнонаучному (и натурфилософскому) подходу классической физики, строившемуся на базе созерцательных, недиалектических философских предпосылок. У Канта вычленение особого философского подхода к изучению времени исторически иницировано, собственно, не спором с естествознанием, а, как мы уже отмечали, спором с конкретными философскими его импликациями.

Однако все «субъективные» моменты (идеализация, роль наблюдателя и т. п.) приводят, что четко признает Кант, к достоверному и объективному знанию. Кант ставит на обсуждение вопрос о том, какие черты «субъективности», механизмы идеализации формируют объективный характер знания. Согласно логике рассуждений Канта, философия не должна воспроизводить пассивно тех определений, которые доставляет естествознание, но должна подвергать их особому критическому исследованию, чтобы показать, как они возможны в мышлении, посредством мышления. В данном случае философ предлагает вопрос особого рода, отвлекаясь с самого начала от изучения реальных, исторически-практических предпосылок «объективности» нашего знания — он концентрирует внимание на чистомыслительных механизмах, которые «обеспечивают» всеобщий и необходимый характер истин науки (в том числе физики). Кант нащупывает действительно очень важный и специфический аспект философского анализа познания, так как философия должна не просто учитывать и использовать научные достижения, но и исследовать роль субъекта, субъективной логики в познании, решая собственно философские проблемы. Великие философские учения, не повторяя естествознания, вместе с тем выполняют по отношению к нему роль философской рефлексии, гносеологического обоснования, имеющих не только ретроспективное, но и продуктивное значение — философия влияет на развитие естествознания.

По Канту, временное следование, как мы осмысляем его в научной теории, приобретает для нас свои свойства не вследствие пассивного воспроизведения в наблюдении свойств самих природных процессов и изменений, механических перемещений и т. п., а в значительной мере благодаря некоторым субъектив-

ным законам деятельности ума, поэтому любая научная теория времени несет на себе отпечаток этой «субъективности». Так, например, идея единства времени, по Канту, имеет источником единство сознания субъекта, наблюдающего изменения; ведь субъект не может устанавливать единство и корреляцию природных процессов иначе, чем относя их к самому себе, т. е. наблюдателю. Субъект может не замечать этой «отнесенности» времени к нему, субъекту. Он может претендовать на то, что как бы «исключает» себя, выявляет «совершенно объективный» поток времени. Но такая отнесенность к субъекту все равно существует, утверждает Кант. Аналогично этому представление о бесконечности времени связано, с его точки зрения, с осознанием потенциально бесконечных возможностей субъекта вновь и вновь продолжать познавательные акты и т. п. (кстати, влияние «субъективности» Кант усматривал не только в идеях времени Ньютона, но и в концепции Лейбница).

Для того чтобы выяснить, каковы достижения и ограниченности кантовского учения о времени, необходимо уточнить, что такое «субъективность» с точки зрения Канта. Говоря о «субъективности» времени, Кант прежде всего отводит возможные ошибочные толкования, предрассудки и т. д. Во-первых, субъективность времени, поясняет Кант, ни в коей мере не означает его нереальности. Что касается сомнений в реальности того времени, которое исследуется в «Критике чистого разума», то они, как разъясняет Кант, неосновательны. Время, в котором протекает познавательный акт, согласно Канту, не менее реально, чем то время, в ходе которого материальное тело совершает пространственное перемещение. Кант старается подчеркнуть и разъяснить это, утверждая, что субъективность времени вовсе не тождественна иллюзорности или видимости. Он пишет по этому поводу: «Я вовсе не утверждаю, что тела только *кажутся* существующими вне меня или что душа только *кажется* данной в моем самосознании, когда я говорю, что качество пространства и времени, сообразно с которым, как условием их существования, я их полагаю, зависит от моего способа созерцания...» (3, 137).

Во-вторых, Кант не связывает рассуждения о «субъективности» времени с попыткой приписывания действительному времени каких-либо новых свойств или вновь открытых качеств, опровергающих прежние представления о нем. Если Ньютон и Лейбниц, считая время объективной космической структурой, выявляли некоторые его свойства, идея Канта состояла не в отрицании самих этих свойств и не в приписывании времени новых, противоположных качеств. Так, если у Ньютона время реально, то у Канта время обладает реальными свойствами: оно *само по себе не «идеально»* в том смысле, что не является какой-то сверхъестественной сущностью. Однако надо четко подчеркнуть, что полемика с «натурализацией» понятий о време-

ни, обоснование собственного подхода к исследованию проблемы у Канта связаны с формулировками идеалистического характера. Так он пишет: «Время не есть нечто такое, что существовало бы само по себе или было бы присуще вещам как объективное определение...» (3, 137). Подобных определений, записанных в форме: «время не есть объект», «время *не* объективно, а субъективно», в тексте «Критики чистого разума» достаточно много. С позиций марксистской философии, они носят идеалистический характер и могут быть использованы (и часто используются современными буржуазными философами) для идеалистических выводов. Здесь, мы полагаем, заключено основное противоречие учения Канта о времени — противоречие между интересными, ценными результатами *специального* исследовательского подхода (исследование временных структур и механизмов сознания, их роли в познании) и идеалистическими интерпретациями, формулировками, выдающими особые аспекты проблемы за саму ее суть. Любопытно, что здесь Кант повторяет ту ошибку, за которую он критикует Ньютона и Лейбница: ведь субъективистские определения, по существу, абсолютизируют особый кантовский метод изучения проблемы времени — исследование «субъективных» аспектов проблемы времени. Вскрывая отмеченное противоречие, нельзя пренебрегать ценными результатами кантовского анализа.

Наиболее интересное в кантовских определениях времени как субъективной формы то, что здесь открывается целый пласт исследований человеческого сознания и познания с точки зрения темпоральных структур, что, по существу, еще не было до Канта объектом обстоятельного изучения. Понимание времени как созерцания, на наш взгляд, не должно трактоваться узкоэмпирицистски: время у Канта не является каким-то подобием «чистого видения», освобожденного от случайностей чувственного видения, но все же не выходящего за рамки некоей всеобщей «призмы» чувственного видения мира (эта интерпретация получила довольно широкое распространение — одним из ее приверженцев был А. Шопенгауэр). Согласно таким истолкованиям, кантовское учение якобы превращало время в «субъективное», готовое врожденное представление, с помощью которого мы видим вещи, как через очки⁷. Трактовки, о которых идет речь, вызваны во многом ассоциативным восприятием термина «созерцание», когда его понимают традиционным способом — как непосредственное и пассивное «видение».

Отметим в связи с этим следующие важные обстоятельства. Определение Кантом времени как созерцания не отрицает общеизвестный факт существования понятий о времени, т. е. времени как понятия. Дело в том, что анализ перемещается в область рефлексивного описания временных схем сознания и познания, время рассмотрено «как форма внутреннего чувства, т. е. процесса наглядного представления нас самих и нашего внутрен-

него состояния»⁸. Время, в котором протекает деятельность познающего сознания, действительно, не есть понятие. Оно представляется в виде доступного особому наблюдению, «созерцанию» неудержимого потока смены представлений в сознании в свете их единства, связанности, последовательности, причем процессы созерцания в самом деле включены в «поток сознания» и связаны с временными структурами.

Кроме того, следует постоянно иметь в виду еще один оттенок трактовки Кантом времени как созерцания. Он называет время формой созерцания, имея в виду форму, закон, структуру процесса смены представлений в сознании, так как «оно определяет отношение представлений в нашем внутреннем состоянии»⁹. Созерцанием же оно является потому, что «представление времени само относится к числу наглядных представлений, так как все его отношения могут быть выражены с помощью внешнего наглядного представления»¹⁰. Временное следование представлений в сознании закрепляется по аналогии с пространственным размещением предметов, по аналогии с линией в пространстве, «за исключением лишь того, что части линии существуют все вместе, тогда как части времени существуют друг после друга»¹¹. Получается, что временное восприятие аналогично во многом пространственному видению, оно также по-своему наглядно.

Мы считаем, что реальный и наиболее глубокий смысл кантовских размышлений о времени выявляется в том случае, если рассматривать их как весьма специальное философское описание свойств темпоральных процессов сознания, а не как всеобщие определения «самой природы» времени. Одновременно определение времени как созерцания не говорит о его превращении у Канта в некий способ видения, «призму», «очки» и т. п. Время как форма созерцания — это время, рассмотренное в связи со структурами и деятельностью сознания, как «закон деятельности ума», однако связанный с определенной формой «наглядности». Созерцание, которое имеет в виду философ, не связано с созерцательностью как философским принципом.

На наш взгляд, для правильного понимания определений времени у Канта важно обратить внимание еще на одно обстоятельство. В трансцендентальной эстетике — наряду и параллельно с определениями времени как формы созерцания, невольными вызывающими эмпирицистские аналогии и соответствующие трактовки, — фигурируют хоть и не противоречащие первым, но совершенно иные формулировки. Мы имеем в виду определения времени как источника познания. По словам Канта, «пространство и время суть два источника познания, из которых можно а priori почерпнуть различные синтетические знания; блестящим примером этого служит чистая математика, когда дело касается знания о пространстве и его отношениях» (3, 141—142). Смысл этого выражения — почерпнуть — вполне

выясняется только на материале «Аналитики», так как именно в этом разделе обнаруживается сущность кантовского понимания времени как формы творческого процесса конструирования предмета познания, причем временная форма, с точки зрения Канта, может быть определена в виде совокупности временных или трансцендентальных схем. Время истолковывается как форма синтеза, как способ или метод конструирования предмета познания. Время как априорное созерцание не мыслилось в виде некоего чувственно-всеобщего «промежуточного звена» между объектом и его отражением в понятии, в качестве некоего субъективного прообраза, будто бы неминуемо приводящего исследователя природы к признанию истинности и достаточности именно ньютоновской механики, геометрии Евклида и арифметики. Кантовскую интерпретацию проблемы времени вряд ли целесообразно жестко связывать лишь с отдельными ступенями развития науки (с классической физикой и математикой), хотя эта связь существует, коль скоро Кант был наблюдателем и даже участником создания классической естественнонаучной теории, а задачу обоснования естествознания, безусловно, конкретно относил к современной ему ступени.

Частичное совпадение схематического образа научной методологии, начертанного в «Аналитике основоположений», с некоторыми типичными схемами мышления классической механики объясняется тем, что Кант отталкивался от современного ему состояния науки. Он имел дело с применением в научном познании материала классической логики, с применением некоторого исходного набора категорий. Но при этом принципы интерпретации, подход и выводы этого анализа не просто фиксируют опыт классического естествознания, а вскрывают некоторые более глобальные гносеологические структуры. Некоторые принципы кантовского анализа времени как формы сознания и познания могут быть развиты и в наше время применены для изучения субъективной диалектики научного мышления.

Например, математическое познание в свете кантовской философии предстает не в виде пассивного суммирования и «зеркального» отражения психологического опыта восприятия множественных объектов, но в виде специфического, активного, диалектического процесса творческого конструирования этой множественности, что было связано с общим изменением представления о сущности познания. Оно понимается не как пассивное отражение, а как активный процесс воссоздания объекта познания, в котором принимают участие способность воображения и соответствующие темпоральные схемы. Кантовская интерпретация математики как бы «вычленила» из математических дисциплин и делала объектом исследования некоторые процедуры активного, творческого осознания количественных закономерностей. Интересно то обстоятельство, что Кант связывает осознание количества с проблемой времени: такой анализ может

иметь общее методологическое значение для гносеологического обоснования математики независимо от конкретной ступени ее развития.

В заключение следует сказать, что теория времени Канта не ограничивается и этой гносеологической рефлексией над практикой естественнонаучного мышления и выходит за рамки философии науки. Выход за пределы обозначенного аспекта начинается у Канта в размышлениях о границах применения естественнонаучных методов мышления и соответственно — над границами относящегося к науке временного схематизма. Тем самым в философии Канта — в связи с рассмотрением познания в ракурсе широкого культурного видения, предлагающего соотносительное изучение научного познания, морали и эстетики, — открывается возможность более широкого философского осмысления времени.

¹ См., например: С е р е ж н и к о в В. К. Кант. М.—Л., 1926.

² Переписка Г. В. Лейбница и английского философа С. Кларка (приверженца и защитника взглядов И. Ньютона) велась в 1715—1716 гг. и состояла из пяти писем с каждой стороны (см.: Полемика Г. В. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания. Л., 1960).

³ Кант полагает, что в случае неумения отличить и выделить в теоретических построениях «субъективные» моменты, обусловленные и привнесенные работой сознания, возникает: «Если же я розе *provo* по себе приписываю красоту, Сатурну — два уха или всем внешним предметам — притяжение *samo* по себе, не обращая внимания на определенное отношение предметов к субъекту и не ограничивая свое суждение этим отношением, то лишь в этом случае возникает видимость».

⁴ Этот подход Канта не противоречит современным оценкам идеи абсолютного времени, согласно которым «субстанциальная концепция имеет и свои слабые стороны, которые состоят в том, что постулируемое ею необходимое для теоретической физики абсолютное время устанавливается только мысленно, то есть в нашей голове, и ему, видимо, ничто не соответствует в реальном мире» (М о л ч а н о в Ю. Б. Проблема времени и диалектика. — «Вопросы философии», 1975, № 8, с. 83).

⁵ Ф о к В. А. Квантовая физика и философские проблемы. — «Вопросы философии», 1970, № 4, с. 57.

⁶ Там же, с. 56.

⁷ Б а у х Б. Иммануил Кант и его отношение к естествознанию. М., 1912, с. 23.

⁸ К а н т И. Критика чистого разума. Спб., 1907, с. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.